

ГЕРАСИМОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры коммуникационных
технологий и связей с общественностью
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета

E-mail: votje82@mail.ru

УДК 130.121

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ МЫШЛЕНИЯ (К вопросу о событийности мысли)

Аннотация. В этой работе рассматривается вопрос взаимосвязи онтологии и антропологии. Этот вопрос можно назвать одним из основных поводов для дискуссий, начиная с античных времён, и по сей день. Особенное внимание в философско-логическом анализе этой связи направлено на интенциональность мышления. Автор считает важным соотнести рассмотрение этого вопроса с осознанной селекцией означающих сущностей для построения модальных логик и семантических систем.

Ключевые слова: антропология, онтология, логика, событие, моделирование, алгоритм мышления, концепция реальности.

© Герасимов С. В. 2018

Sergei V. Gerasimov

INTENTIONALITY OF THINKING (The Question of the Eventfulness of Thought)

Abstract. This article discusses the relationship between ontology and anthropology. This issue can be called one of the main reasons for discussions, since ancient times, and to this day. Particular attention in the philosophical and logical analysis of this connection is aimed at the intentionality of thinking. The author considers it important to correlate the consideration of this issue with conscious selection meaning entities for constructing modal logics and semantic systems.

Keywords: anthropology, ontology, logic, event, modeling, algorithm of thinking, concept of reality.

DOI: 10.32691/2410-0935-2018-13-157-164

Эта статья продолжает интересную и актуальную тему, рассмотренную С. А. Смирновым в статье «Событийность мысли (к вопросу об онтологии событийности)» [Смирнов 2016].

Исследования, приведённые в этой статье касаются темы важной и актуальной, несмотря на то, что она присутствует в философском дискурсе с античных времён. Предлагается рассмотреть разрыв между онтологией, с её абстрактными построениями, и антропологией. В качестве связующей системы предлагается использовать концепт событийности мысли, высказанный в другой, более ранней работе С. А. Смирнова [Смирнов 2015]. Необходимо уточнить, о какой именно онтологии, пребывающей в оторванности и абстракции, идёт речь. Существует несколько философских течений, которые рассматривают онтологию в связи с человеком. Это с одной стороны. С другой стороны, в антропологии и психологии проблеме онтологии уделяется главное место. Рассмотрим, например, как указанная связь представлена в континентальной философии.

Г. В. Ф. Гегель в «Лекциях по истории философии» в разделе «Новейшая немецкая философия» перечисляет работы Канта, Фихте, Шеллинга, и ещё несколько их последователей, и пишет, что они должны решить вопрос единства мышления и бытия, и сделать этот вопрос своим предметом [Гегель 1992]. Рихард Кронер подробно исследует Кантианскую взаимосвязь «Я» и материи путём овладения материей с помощью идеи [Kroner 1924: 15]. Г. Лейбниц написал целое исследование, посвящённое единству и взаимосвязи сознания, интеллигенции и духа [Kroner 1921: 10]. Фриз в контексте взаимосвязи онтологии с антропологией предложил создать новую науку под названием «Философская антропология» в своей работе «Новая критика чистого разума» [Fries 1807]. В качестве самого последовательного исследования связи онтологии и антропологии важно рассмотреть работы Э. Гуссерля, с его аподиктическими основаниями «новой» философии. Многие его работы посвящены именно связи между «объективностью и субъективностью процесса познания (Erkennes)» [Гуссерль 2011: 14]. Процесс взаимосвязи онтологии и антропологии – один из основных вопросов в немецкой классической философии.

Как заметил С. А. Смирнов, событие может явиться связующим звеном между онтологией и антропологией: «Автор рассматривает концепт событийности на примере феномена мышления, предлагая следующие каркасные реперные точки: репер времени (акт мысли), репер пространства (место мысли), репер субъекта (автор мысли), репер границы» [Смирнов 2016: 103]. Дано определение реперных точек как жестких десигнаторов, функций возможного пересечения указанных областей. Если это предположение верно, у десигнатора должны быть означающее и означаемое. Следовательно, человек в любом случае должен где-то быть. Означающий, пользуясь системой чувственного восприятия, расставляет предикаты, строит перцепционную систему координат. Следующим шагом человеческое сознание формирует описание мира, опираясь на органы чувств и опыт. Всё определяется через обратную связь, построенную на чувственном ощущении. Например, радиация не ощущается в пяти органах чувств человека. Как можно регистрировать радиацию? В виде цифр на счётчике Гейгера, в отклонении стрелки измерительного прибора, и так далее. Для этого сознание должно построить у себя в качестве отраже-

ния, некое размышление, которое неизбежно придёт к чувствам. Поскольку радиация опасна и вызывает, впоследствии, болезненное состояние, то это беспокоит определяющего. Происходит впрыск адреналина, стресс, страх, вплоть до радиофобии. В ином случае размышление о радиации приведёт к возможным открытиям, признанию, радости. В этом случае происходит впрыск эндорфинов и прочих химических соединений, вызывающих эйфорию. В случае отсутствия реального события чувственное восприятие может сохраняться. Мысль о возможных фантазийных сюжетах, которые в реальности могут не произойти, окрашивают перцепцию в оценки «нравится» или «не нравится». Сюжеты, которые вызывают приятные образы, называют мечтами. Негативные же события относят к страху испытать болезненное ощущение. В любом случае процесс мышления интенционален. Можно предположить, что интенциональность есть основа мышления, познания.

Представим себе мысль о том, что где-то далеко живет обитатель Новой Гвинеи, страдающий тем, что ему нечего есть на ужин. В связи с тем, что мне, например, этот сюжет эмоционально не значим, интерес к нему близок к нулю. И мне крайне сложно удержать мысль об этом событии в течение минуты и даже менее. Существует бесконечное множество сюжетов, которые не интересны, потому что они не связаны с воспринимающим чувственным образом.

В этой связи необходимо уточнение пространства исследования. С. А. Смирнов пишет: «На основе анализа феномена событийности утверждается, что событийность возможна только на онтологической границе сущего и иного ему. В этой связи вводится различие двух концептов границы: границы как ставшей фиксированной нормы-меры и границы как подвижной точки пути, перемещающейся вместе с субъектом» [Смирнов 2016: 103]. Возможно, в этом месте получится немного подробнее рассмотреть деятельность сознания с этой точки зрения. Концепция реальности, связанная с сознанием, развивается у человека от рождения до смерти. Вместе с сознанием расширяется семантика мира. Язык пополняется за счет раскрытия новых связей, предметов, событий. В терминологии Ю. М. Лотмана, происходит передача негенетического наследия человечества конкретному индивиду. Это происходит с помощью событий, и только с помощью событий. Здесь важно определить событие как возникновение важного или существенного для наблюдателя изменения системы. В этом смысле событие тождественно понятию сигнал, которое используют в радиотехнике. Всё, что значимо для получателя сигнала – это событие, всё, что не значимо и не связано с чувственным восприятием – это фон или, пользуясь техническим языком, «шум». Событие создаёт систему условий для перцепции. С одной стороны, событие определяет место и время бытия денотата. В тех случаях, когда события нет, для наблюдателя нет новых, значимых свойств, нет и самого денотата. Именно координаты и время делают событие уникальным. Событие формирует предикат как определение. Событие, комплекс событий, их последовательность, утрясает, упаковывает само явление в сетку модальной логики, семантики, понимания и описания мира. Мозг пытается связать, объяснить, сопоставить значимое событие с существующим мировосприятием. Формируется поведенческий стереотип, идентичность означающего. Согласно этому алгоритму человек выстраивает коммуникацию между внешней реальностью и её отражением в своей внутренней системе принятия решений. Нарушение этой функции – тяжелое заболевание.

Если человеку удаётся уложить событие в свою систему опытов, то мы говорим – человек постиг. Мир расширился. За счёт аналогии раскрылись целые цепочки смыслов подобных проблем и переживаний. В онтологии постижение событийного ряда, в частности, происходит путём отождествления непонятого через понятое. В этом описательном контексте логично представить, что мир делится на постигнутое и не постигнутое. У ребёнка весь мир есть трансцендентное понятие. С развитием, трансцендентная область уменьшается на величину раскрытого. Человек развивается по определённым алгоритмам, которые зависят от внешней среды, свойств организма.

Многие философы довольно точно определяют границу, концепт которой описал С. А. Смирнов. Например, Николай Гартман описывает развитие человека, как поэтапное раскрытие нескольких уровней на протяжении жизни: бытовой уровень, уровень денег и сравнения, уровни власти, знаний. По мере развития человека, на протяжении жизни, эта граница передвигается от животных мотиваторов – до поисков абстрактных связей в природе.

Математики довольно точно моделируют работу мозга. В данном исследовании мы рассматриваем мозг как источник локации и формирования сознания. Многие функции мозга подробно описаны. Наибольший интерес, возможно, представляют такие модели, как математический нейрон Маккалока-Питтса, с помощью которого строятся модели нейронных сетей.

С позиции биокибернетики, мозг – это вычислительная машина с опцией развития. Она решает задачи. Возникает вопрос, кто ставит эти задачи мозгу? Какая часть человека заставляет мозг проделывать определённые сравнения, размышления, обсчёт вариантов, моделирование и много других операций?

Важное место в понимании мотивации раскрыл Джакомо Ризолатти [Ризолатти 2012] из Пармского университета, описавший работу мозга в виде системы зеркальных нейронов. Эти нейроны, наследие животной функции синхронизации с социумом, реализуют принцип – «делай как я». Этот принцип лежит в основе стайного или стадного чувства. Человеку свойственно «заражаться» социальными желаниями.

Кроме синхронной функции существует и представляет определённый интерес, в рамках событийного пространства, эвристическое свойство мозга. На сегодняшний момент определены необходимые и достаточные условия проявления эвристики. Первое, это наличие окружения, готового поставить задачу и назначить за неё награду в виде «лайков», денег, признания, уважения и т. д. Второе, это сущности по Аристотелю, которые могут доставить удовольствия, реальные и виртуальные. Сущности должны представлять ценность для человека в его реальных и виртуальных запросах на получение удовольствия. Влияние окружения на генерацию идей представляется наиболее важным. Например, представитель народов, культура которых не находится в социальных системах, с их высокой плотностью коммуникаций, никогда не собрал бы механические часы. Возможно даже, что и сама мысль о точном контроле времени и привязке событий к временной координате была бы ему не органична. Часы – оператор активного синхронно-коммуницирующего общества. С другой стороны, нужна среда, в которой есть многовековой капитал технической эволюции: развития механики, конструкционных материалов, теории машин и механизмов, новые технологии. В противном случае, человеку пришлось бы всю жизнь потратить на изобретение велосипеда. В сфор-

мированной среде мозгу намного легче создать модель из рекомбинации возможных вариантов. Это не волшебство, магия, или «потусторонний» или трансцендентальный разум. Ребёнок с детства учится решать задачи. Когда в процессе обучения ребёнка хвалят, формируется зависимость, мотив к достижению новых, социальных целей. Животные мотиваторы (сон, секс, еда, безопасность, дом и так далее), сформированы до рождения, являются результатом эволюции, и представляют собой врождённые рефлексy. В обучающем процессе создаётся персональный алгоритм решения задач.

Далее, безусловный интерес представляет приведённая С. А. Смирновым ссылка на работу М. К. Мамардашвили: «На фоне “массового морока” мысль странным образом случалась, хотя ничто не предвещало, что она вдруг случится. В этой связи Мамардашвили, как философ, ставил себе задачу вырвать мысль из власти морока, вывести её из небытия. И это было возможно только посредством самого акта мысли» [Мамардашвили 1992: 143].

Тот факт, что из «небытия» приходят мысли, необходимо прояснить. Получается, что мыслящий человек, согласно приведённой цитате, разделил себя на две части. При этом одна из них не знает, что делает другая. Создаётся ситуация, в которой человек не знает, или не хочет часть своего тела, объявляя её *terra incognita* или «мороком».

В процессе выяснения процессов, которые формируют концепцию реальности, необходимо отметить ключевую роль окружения. В ситуации Маугли и в феномене эвристического сознания – везде присутствует коммуникационная составляющая, социальное и публичное мировоззрение. За всю известную историю наблюдений не описано ни одного случая, чтобы, например, уравнение термодинамики родилось бы «вдруг» у одного из мудрейших далай-лам в результате высоких медитаций. Если бы такое событие случилось, то следовало бы отраслевые конструкторские бюро заменить на залы для трансцендентальных медитаций. Скорее всего, потенциал творчества ещё не изучен полностью. Возможно, в ближайшее время человечество откроет для себя новые пути творения, и тысячи йогов в позе лотоса будут извлекать из трансцендентного «морока» чертежи деталей машин.

В настоящем времени сознание должно оперировать предикатами, модальной логикой, языком изобретения. В мозгу работают тысячи подпрограмм, которые человек загружает ежесекундно. Почему вода мокрая? Почему небо синее? Почему яблоко падает на голову? И мозг берёт весь этот материал в работу.

Появление мысли можно отождествить с появлением сигнала на экране компьютерного монитора. Несмотря на то, что наблюдателю «кажется», что мозговая деятельность не происходит в те мгновенья, когда на условный интерфейс не выводятся какие-то знаки, символы, которые он интерпретирует как «мысли из морока», деятельность по решению задач всё равно происходит. Задачи мозга делятся на несколько уровней. С некоторых из них информация никогда не попадает на интерфейс.

В качестве иллюстрации рассмотрим работу мозга по обеспечению физиологических потребностей, не регистрируемых сознанием: процессы дыхания, сердцебиения, потоотделения, пищеварения, и ещё тысячи процессов, скрытых, но, тем не менее, происходящих. Кроме этого, существуют процессы, которые табуированы социумом, как на личном уровне (например, запреты на животное поведение), так и в группе (социальные табу). Воспитание при этом

запрещает не только многие «нехорошие» действия, но даже и мысли о них. Существует большая область социальных групповых штампов стереотипного поведения, в основе которого лежат механизмы «коллективного бессознательного». Подобные механизмы формируют у человека алгоритмы идентичности и другие поведенческие модели. Подобные законы или десигнаторы, формируют социальное поведение. По этим десигнаторам можно вычислить систему общественных отношений, провести социологический анализ.

Г. Л. Тульчинский замечает: «Может быть раскрыта и ещё одна сторона взаимосвязи способов указания сущности и идентификации в процессах познания и осмысления. Речь идёт о соотношении индивидуального и социального опыта в динамике осмысления. Поскольку общие сущности как описания и определения выявляются по мере вовлечённости объектов в сферу социально практической деятельности, их практического и духовного освоения, то знание этих сущностей предстаёт знанием социальным, а сами они – социальными значениями» [Тульчинский 2001: 327]

Существует часть сознания, которая отвечает за картезианские расчёты. Работа мышления во многом каузальна. Внешняя среда формирует условия «игры» разума, желания различной этиологии, запускают вычислительные процессы на различных уровнях. Мозг ищет решение. В момент, когда условие присутствия внешних данных и операторов достаточно, мозг выдаёт ответ. То, что это происходит в моменты возбуждения или наркотического транса, говорит лишь об особенностях химических реакций в мозгу, которые определяются генетикой и запускаются эндокринной системой. В других случаях ответ приходит спорадически, что говорит о том, что мышление как алгоритмический процесс, происходит непрерывно, даже во сне.

Следующим важным моментом в рассмотрении интенциональности мышления является игра. Она формирует модели без привязки к уникальным реквизитам события. С. А. Смирнов пишет: «Методолог Г.П. Щедровицкий действовал по-другому. Со своими учениками и соратниками он огораживал пространство коммуникации и строил специальные полигоны, на которых можно было действовать рискованно, мыслить, осуществлять акты авторского мышления, но лишь в данных очерченных пределах. Была придумана оргдеятельностная игра как формат, позволяющий осуществлять авторское мыследействие. Игровая практика была затем широко распространена на политические, культурные, образовательные проекты и программы. Тем не менее, описание феномена и механизма игры не может показать то, что такое событийность мысли. Игра может создать условия, способствующие рождению мысли. Механизм игры может задать атмосферу, среду, в которой рождается мысль, но он не объяснит нам природу событийности мысли» [Смирнов 2016: 103].

Механизмы игры, их влияние описано в психологии, педагогике, медицине, социологии, политологии, маркетинге, культурологии и так далее.

В событийном контексте модель «игра-реальность» состоит в том, чтобы уникальное событие соотнести с моделью как с функцией. Далее алгоритмизировать функцию, что тождественно решению поставленной задачи, чтобы потом интегрировать модель в реальные условия. У моделирования как оператора событийности есть положительные стороны или факторы – относительная безопасность моделирования, снятие стереотипических рамок и т. д. Событийность мысли, как было выше сказано, определяется скоростью тече-

ния реакций в головном мозге, длительностью алгоритма решения, особенностью внешних данных.

Теперь важно рассмотреть, что же человек регистрирует как «рождение мысли»? Под событием понимается его интенциональная или сигнальная составляющая. Внимание наблюдающего регистрирует такое изменение предыдущего состояния, которое важно для наблюдателя, имеет смысл.

Например, человек начал подниматься по лестнице, нагрузка выросла, появилась потребность к ускорению функций питания тканей, вывода продуктов жизнедеятельности. Мозг рефлекторно взял на себя труд по обсчету большой связанной системы организма. Участилось дыхание и увеличилось число сердечных сокращений. Можно регистрировать это как работу мысли. Но человек не регистрирует это, чаще всего, потому что событие это ординарное, на языке техники сопоставимое с «шумом» или фоном.

Постоянно случающееся событие стало фоном. Те же процессы происходят и в других мыслительных областях. Допустим, поэту «пришла» рифма, и он испытал восторг и радость открытия. Выделились эндорфины. Со временем человек привыкает к этому, и организм требует большей «событийности». То есть рифма – это хорошо, но возможность использовать рифму уместно – лучше. Дальше восторг наступает уже от набора рифм и выделения наиболее точного слова для формирования послания и так далее. На этом основана вся действующая система передачи опыта детям. Если ребёнок на протяжении нескольких лет радуется тому, что в тысячу первый раз сложил одни и те же кубики, то ситуация критическая. Нормальная ситуация – мгновенная потеря интереса к процессу, который завершён, или завершение которого не интересно. Так человек бросает книгу на середине сюжета или уходит со спектакля, потому что дальше «скучно», то есть, незначимо для наблюдателя.

В рамках событийности мышления возможны более сложные процессы. Они описаны в психиатрии и психологии как выход за рамки. Если в случае перебора возможных комбинаций и устоявшихся связей решение не наступает, а решение критически важно для наблюдателя (например, вопрос жизни и смерти), мозг разрушает нерабочие связи, нарушает законы и выстраивает новые десигнаторы. Как и в эвристическом мышлении, мозг отказывается от системы предикатов, которые не могут выполняться с искомым одновременно, в одной системе, и строит модель, в которой бы реализовалось требуемое свойство. В систему предикатов, новых десигнаторов, новые модальные логики выстраиваются уже апостериорно (по Канту).

Рассматривая событийный алгоритм мышления, необходимо уточнить, что является источником или «заказчиком» мыслительного процесса? Целиком ли казуальна событийная модель? Если мы говорим о мышлении как об алгоритме, в котором есть простая зависимость между наполнением желания и вознаграждением человека, чей мыслительный цикл повторяется без изменений. Если такой мыслительный процесс является национальной чертой, то можно наблюдать этносы, в которых веками сохраняется одинаковый уклад жизни, который устойчив к внешним воздействиям.

Но в случайной системе существуют два пути развития. Один – возвращение в status quo после сигнального воздействия. Другой использует систему случайных событий как повод для генерации новых алгоритмов мышления.

Случайность воздействия на одном уровне становится системой на другом. Запуск первичных мыслительных процессов, как уже говорилось выше, осуществляет желание выживать, то есть удовлетворение своих животных потребностей. Социализация внесла свои коррективы в развитие желаний. Влияние людей, которые составляют значимое для индивида окружение, семья, община, трудовой коллектив и т. д., заставляют человека решать задачи, которые не он сам себе поставил.

В социуме по мере эволюционного развития происходит разрыв между необходимостью использовать мышление как инструмент выживания и мышление как самоцельный процесс. Человек приходит к «озадачиванию» себя кроссвордами, детективами, наблюдением за чужими размышлениями. Далее разрыв происходит при введении регистрируемых наблюдений в объективную реальность с помощью пяти органов чувств, денотатов. Возникают абстрактные умозаключения. Перенос реальных предметов или персонажей в фантазийное пространство, заданных парадоксальными десигнаторами, или наоборот появление в реальности фантазийных героев и артефактов, реализует запрос человека на моделирование своего поведения. Поэтому в любой культуре существуют сказки и мифы. Подобный процесс связан и с озадачиванием разума. Фантастические истории прорабатывают новые связи, новые законы, заставляют участника, зрителя, читателя, игрока искать денотаты с новыми предикатами, некие артефакты. С появлением новых технологических решений, они появляются в чертежах конструкторских бюро, в качестве моделей, в реальной жизни. Сказочные идеи веками лежат до того, как какой-нибудь «изобретатель» не совместит искомое с новыми техническими возможностями.

В заключении можно утверждать, что процесс мышления интенционален. Интенциональность мышления связана с событийными моделями, с развитием недостатка в наполнении человека желаемым. В этой связи можно рассматривать интенциональность мышления как условие для определения свободы выбора означаемого. Но это уже следующая тема для обсуждения.

Литература

- Гегель 1992 – *Гегель Г. В. Ф.* Лекции по философии истории. СПб.: Наука. 1992. 479 с.
- Гуссерль 2011 – *Гуссерль Э.* Логические исследования. Т.1, Ч. 1. Исследования по феноменологии и теории познания. Пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Академический проект. 2011. 256 с.
- Ризолатти 2012 – *Ризолатти Джакомо. Синигалья Коррадо.* Зеркала в мозге. О механизмах совместного действия и сопереживания. // Пер. с англ. О. А. Кураковой и М. В. Фаликман. М.: Изд. «Языки славянских культур». 2012. 205с.
- Тульчинский 2001 – *Тульчинский Г. Л.* Проблема сущности и существенности (Философско-логический анализ) // История идей как методология гуманитарных исследований. Программы спецкурсов. Философский век. Альманах. № 14. СПб.: Центр истории идей, 2001. С. 326-329.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38–49.
- Смирнов 2016 – *Смирнов С. А.* Событийность мысли (к вопросу об онтологии событийности) // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 103-114.
- Fries 1807 – *Fries J. F.* Neue Kritik der Vernunft. Bd. 1. Heidelberg, 1807.
- Kroner 1924 – *Kroner R.* Von Kant bis Hegel. Bd. 1. Tübingen, 1924. 526 s.